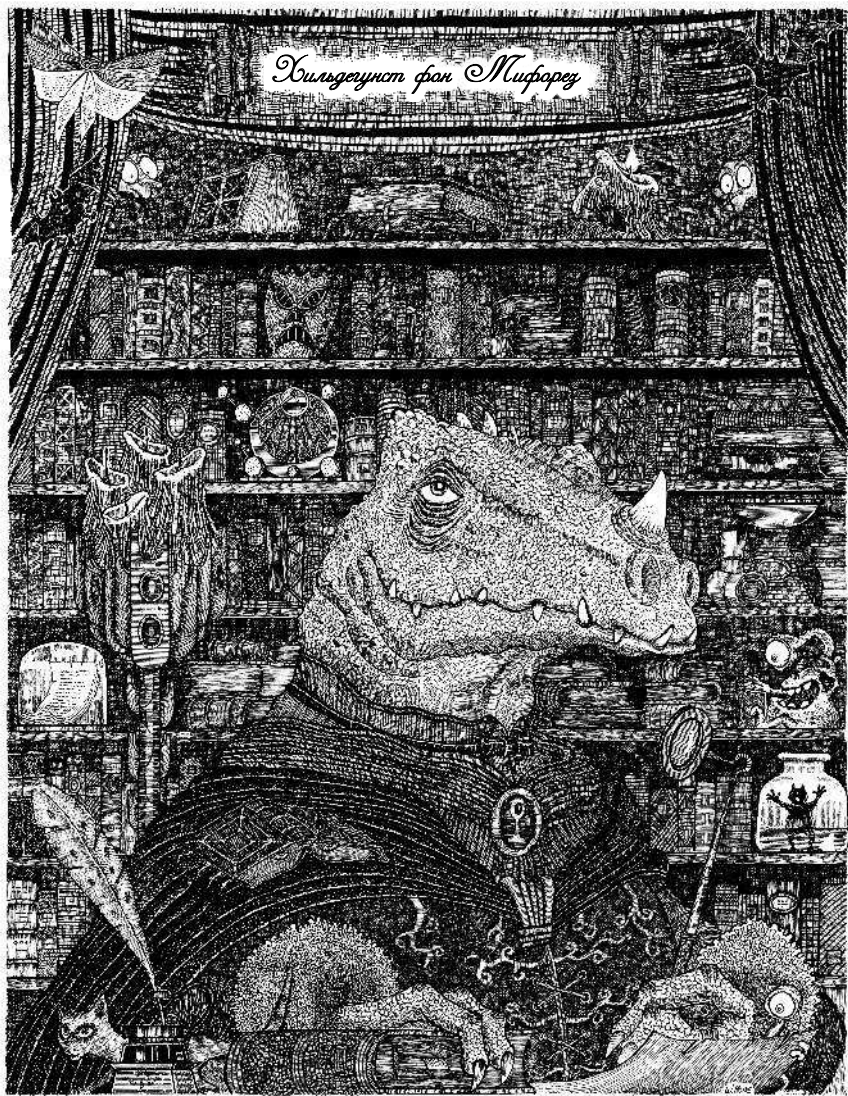

Хильдегунст фон Мифберг

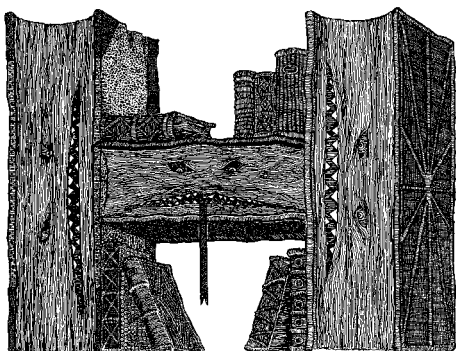

Однажды

Этот Черный Человек
Всем запомнится навек.
Книгород он наш спалил,
Букварилников убил.
Не прошло и сотни лет,
Как печаль сошла на нет.
И из пепла вновь восстав,
Город Книг прекрасней стал!

Детская книгородская песенка

Сюрприз

Здесь продолжается рассказ. Он повествует о том, как я вернулся в Книгород и во второй раз спустился в катакомбы Города Мечтающих Книг. В нем рассказывается о старых друзьях и новых врагах, о новых сподвижниках и давних противниках, но прежде всего — как ни странно это может прозвучать — о Призрачном Короле.

Эта история о книгах. О самых разнообразных книгах — о хороших и плохих, о живых и мертвых, о дремлющих и бодрствующих, о бесполезных и бесценных, о безобидных и опасных. А также о таких, которые таят в себе нечто особое, что даже трудно себе вообразить. При их чтении тебя в любой момент подстерегает неожиданный сюрприз, особенно тогда, когда ты меньше всего этого ждешь.

Как, впрочем, любезный читатель, и при чтении книги, которую ты держишь в руках. Вообще-то я, к сожалению, должен тебе сообщить, что это отравленная книга. Контактный яд начал действовать в тот момент, когда ты открыл ее, он проник в твой организм через кончики пальцев. Это всего лишь крошечные, микроскопические частицы, для которых поры твоей кожи столь же велики, как ворота амбара, открывающие беспрепятственный доступ к твоей кровеносной системе. И вот эти посланцы смерти уже на пути к твоим артериям, ведущим прямо к твоему сердцу.

Прислушайся к себе! Ты слышишь учащенное сердцебиение? Чувствуешь легкое покалывание в пальцах? Холод в жилах, который медленно поднимается по твоим рукам? Стеснение в груди? Одышку? Нет? Еще нет? Терпение, скоро это произойдет. Очень скоро.

Как подействует этот яд, как только доберется до твоего сердца? Честно говоря — он тебя убьет. Твоя жизнь завершится, здесь и сейчас. Беспощадный токсин парализует твои сердечные клапаны и остановит кровоток раз и навсегда. На языке медицины это называется *инфарктом*, но я бы предпочел более веселый термин — *дурфаркт*. Возможно, ты еще будешь театрально хвататься за грудь и исторгать звуки удивления, пока, наконец, не упадешь без сил. Большого тебе не отпущено. И не принимай это на свой счет: ты отнюдь не жертва тщательно спланированного заговора. Нет, это убийство путем отравления не подчинено никакой цели, оно столь же бессмысленно, как и твоя скорая смерть. Да и мотива также не существует. Ты всего лишь взялся не за ту книгу. Судьба, случайность, неудача — назови это, как хочешь. Сейчас ты умрешь, это — все! Смирись с этим!

Разве только...

Да, еще есть шанс! Если ты без промедлений последуешь моим указаниям. Речь, собственно говоря, идет об очень редком контактном яде, который оказывает смертельное действие, только начиная с определенной дозировки. Все зависит исключительно от того, как долго ты будешь держать книгу в руках. Все так точно рассчитано и так строго дозировано, что этот яд убьет тебя исключительно в том случае, если *ты прочитаешь больше одного абзаца!* Итак: отложи пока книгу в сторону, если для тебя важно твое дальнейшее существование! Ты еще некоторое время будешь ощущать учащенное сердцебиение, а на лбу у тебя выступит холодный пот. Но легкое чувство слабости вскоре пройдет — и затем ты сможешь продолжить свое презренное бытие во всем его однообразии в течение ответственного тебе судьбой отрезка времени. Прощай!

Ну, вот! Теперь здесь остались лишь свои люди, мои отважные друзья! Наконец-то! Ведь в жилах тех, кто все еще держит в руках эту книгу, течет моя кровь. Я — Хильдегунст фон Мифорез, ваш верный спутник и друг. Я приветствую вас!

Да, это был всего лишь обман. Книга, разумеется, *не* отравлена. Если я захочу доконать своих читателей, то замучаю их до смерти скучными и бесконечными диалогами о двойной бухгалтерии на двадцати шести тысячах страниц, как я сделал это в моем цикле романов «Дом наттифтоффов». Это, на мой взгляд, более изощренный путь.

Но сначала я должен отделить зерна от плевел, так как там, куда мы отправляемся, нам не нужен никакой балласт. Никаких утонченных трусливых книжечеев, которые при одном лишь упоминании об опасности в содрогании откладывают книгу в сторону.

Вы уже догадываетесь куда, не правда ли, мои бесстрашные братья и сестры по духу? Да, это правда: нам опять предстоит путешествие в Книгород... Что вы сказали? «Но ведь Город Мечтающих Книг сгорел», — говорите вы. Да, это действительно так. После беспощадного пожара он превратился в пустыню. Это случилось очень давно и никому не причинило столько боли, сколько мне, потому что я был свидетелем сего. Я видел своими собственными глазами, как Гомунколосс, Призрачный Король, сам поджег себя, чтобы вызвать самый большой пожар, который когда-либо охватывал Книгород. Я видел, как он, подобно живому факелу, спустился в катакомбы, чтобы разжечь сильнейшее пламя, которое сожгло бы не только здания на поверхности, но и уничтожило бы все глубоко в недрах лабиринта под городом. Я слышал, как пронзительно звонили пожарные колокола. И я видел, как кружились в танце со звездами превращавшиеся в искры Мечтающие Книги. Это было более двухсот лет тому назад.

За это время Книгород возродился и, как говорят, засиял в новом великолепии, украшенный еще более богатыми античными сокровищами, чем прежде. Они, должно быть, хранились в катакомбах и были обнаружены при пожаре. Город стал пульсирующей метрополией книжного дела Цамонии, местом, обладающим магнетической силой притяжения литературы, издательского дела и искусства печати, рядом с которым прежний Книгород казался городской библиотекой на фоне антикварного собрания книг. Горожане с уверенностью называют теперь свой город Великий Книгород, как будто это совершенно другое место. Какому библиоману не захотелось бы воочию убедиться в том, насколько могуч

и великолепен стал возродившийся из пепла Город Мечтающих Книг?

Но для меня существует еще и другая, значительно более важная причина, чем простое любопытство туриста и библиофила. А вы, мои жаждущие знаний, бесстрашные друзья, наверняка хотите узнать эту причину, не так ли? И по праву, поскольку отныне мы вновь будем делить все — радость и горе, опасности и тайны, приключения и ужин, — мы опять станем верной командой. Я раскрою свои карты, но сразу признаюсь, что в дорогу за самым большим приключением моей жизни меня позвал не какой-то особо оригинальный повод. Причиной путешествия стало мистическое письмо. Да, точно как тогда, при моей первой поездке в Книгород, это был манускрипт, который все сдвинул с мертвой точки.

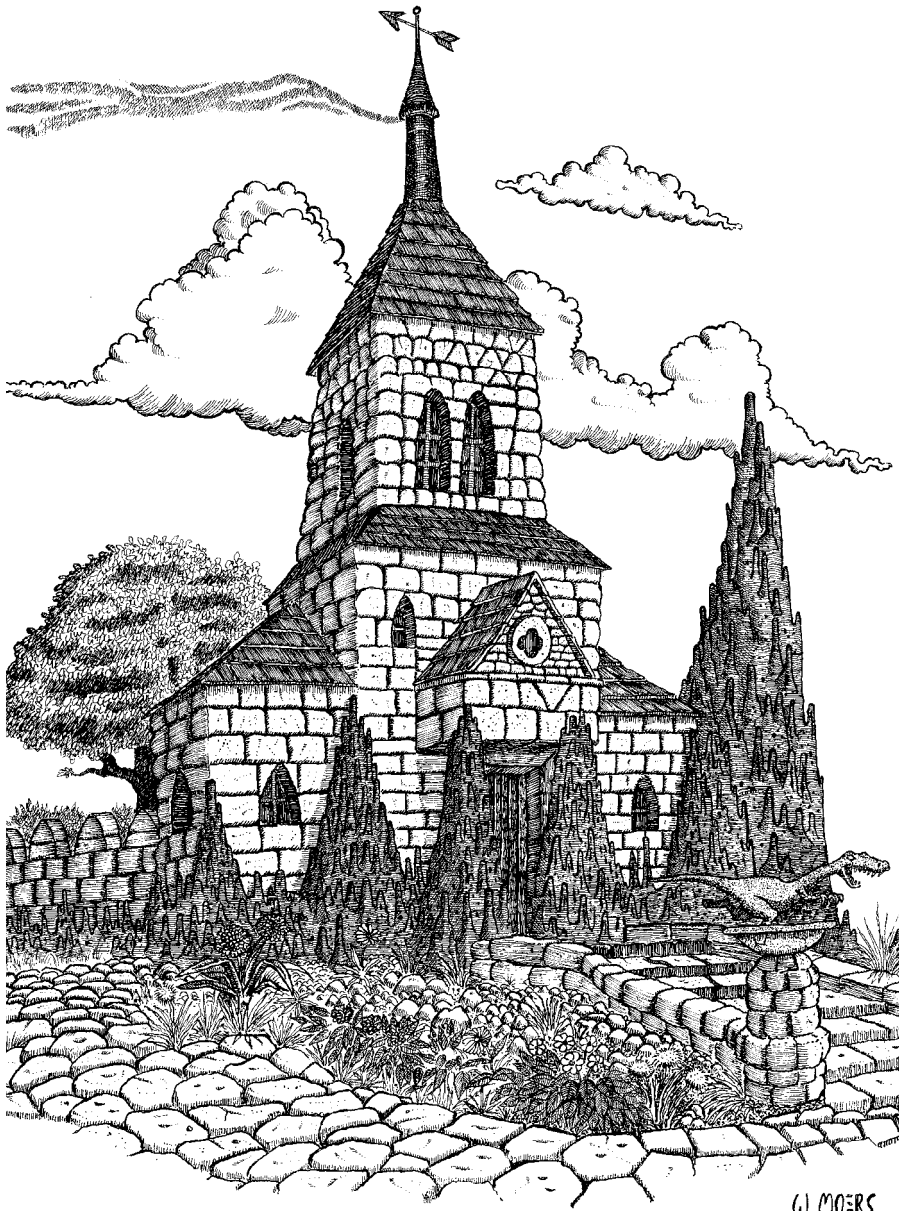
Возвращение в Драконгор

Меня можно объявить величайшим безумцем после утверждения о том, что в то время, когда начиналась эта история, я уже был самым крупным писателем Цамонии. Как иначе назвать автора, книги которого доставляют в книжные лавки в перекатываемых бочках? Который, будучи самым молодым деятелем искусств Цамонии, был награжден Орденом Вальтросема? Которому перед Гральзундским Университетом Цамонийской Литературы установлен памятник из чугунного литья с горячим золочением?

В каждом крупном городе Цамонии одна из улиц была названа в мою честь. Существовали книжные магазины, которые торговали исключительно моими произведениями и научной и критической литературой, посвященной им. Мои почитатели основывали и регистрировали специальные общества, члены которых обращались друг к другу по именам персонажей из моих книг. Выражение «повторить Мифореза» в народе означало «сделать уникальную карьеру в творческой профессии». Я не мог пройти ни по одной оживленной улице, не подвергнувшись атакам толпы, не мог войти ни в одну книжную лавку, не вызвав у книготорговцев обморочного состояния. Любая книга, написанная мною, мгновенно объявлялась классическим произведением.

Одним словом, я превратился в избалованное литературными наградами и любовью публики чучело, утратившее способность к самокритике, которому стали чужды почти все естественные творческие инстинкты. Я цитировал самого себя и копировал собственные произведения, сам того не замечая. Мой успех настиг и отравил меня подобно вялотекущей душевной болезни, незаметной для самого пациента. Я был настолько упоен купанием в лучах славы, что совершенно не замечал, что меня уже давно не посещал Орм.

Писал ли я в этот период вообще хоть что-то значительное? Я даже не знаю, когда я мог бы это делать. Большую часть времени я тратил на чтение докладов в книжных лавках, театрах или на литературных семинарах, самозабвенно воспевая

W. MOERS

собственные произведения, а затем упиваясь рукоплесканиями, снисходительно болтая со своими почитателями и часами раздавая автографы. То, что я считал тогда, о мои верные друзья, вершиной своей карьеры, в действительности являлось ее абсолютной низшей точкой. Уже давно не мог я побродить незаметно по городу, чтобы беспрепятственно собрать материал для своей работы. Меня всюду мгновенно окружали толпы почитателей, выпрашивающих автограф, умолявших дать творческий совет или же пожелать удачи. Даже на проселочных дорогах за мной следовали многочисленные паломники из числа фанатичных читателей, желавших стать свидетелями того момента, когда меня посетит Орм. Но сначала это происходило все реже, а потом прекратилось вовсе, но я этого даже не замечал. Потому что, если говорить честно, в то время я едва ли мог отличить дурман Орма от винного опьянения.

После долгих лет беспокойных странствий и многочисленных приключений я решил ненадолго вернуться в Драконгор, чтобы там немного почить на лаврах. Это был побег от ставшей чудовищной популярности, от небывалого успеха и безумных почитателей. Я опять приехал в маленький дом, который унаследовал от моего крестного во литературе Данцелота Слоготокаря. Впрочем, я вернулся и для того — посмотрим правде в глаза, мои дорогие друзья, — чтобы продемонстрировать обществу и моим собратьям возвращение к родным истокам: в зените славы блудный сын возвращается домой, чтобы в самых скромных условиях, в маленьком домике горячо любимого крестного, смиренно продолжить свой титанический труд.

И все это было недалеко от истины. Никто во всей Цамонии в то время не был так чужд реальности, как я. И никто не жил более уродливо и бесцельно, не беспокоясь о своих задачах в области культуры и писательском творчестве. Драконгор был попросту единственным местом, которое обеспечивало мне великолепную защиту от моей популярности. Сюда по-прежнему не допускались никакие иные существа, кроме драконов. Только здесь я мог быть творческой натурой среди исключительных творцов. И только среди драконов царил этот совершенный этикет, который каждому обеспечивал частную сферу. В Драконгоре одиночество считалось бесценным благом. Здесь каждый был настолько занят собственной